

УДК 393.05
ББК 82.3(2=411.2)

ОБРАЗЫ СМЕРТИ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ПРИКАМЬЯ¹

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ПОДЮКОВ

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет:
Российская Федерация, 614045, г. Пермь, ул. Сибирская, 24)

Аннотация. В статье рассматриваются народные образные представления смерти, зафиксированные в фольклорной традиции Пермского края. Прослеживается культурная мотивированность этих образов, способы использованного при их создании метафорического соотнесения (смерть как птица, смерть как насекомое, смерть как животное, смерть в антропоморфном облике). Выявляются архаичные формы образов и современные их трансформации, описываются функции образных уподоблений (от эвфемической до юмористической), устанавливается роль образных уподоблений в культурной табуизации смерти. Отмеченные в быличках и устных рассказах, приметах и во фразеологических выражениях образы смерти, характеризующиеся как средства её эвфемизации, одновременно демонстрируют выработанные в народной культуре механизмы психологической адаптации к проблеме конца жизни. Указывается, что в парадигме образов, отражающей многоликость смерти, преобладают формы «нестрашной» смерти. Делается вывод о том, что в исследуемых фольклорных жанрах она чаще выступает как объект изображения и познания, а не как угроза и наказание, что в отличие от таких народно-религиозных текстов, как духовные стихи, связанный с ней страх не носит угрожающего, разрушительного, деструктивного характера. Народная образность смерти отражает опыт народно-философского отношения к ней, представляя её преимущественно в природно-естественных формах.

Ключевые слова: мифологическая картина мира, народное символотворчество, образные и символические средства фольклора.

Смерть как один из главных компонентов мифологической картины мира, важнейший компонент культуры давно привлекает внимание исследователей. Галерея народных «материализаций» смерти в причитаниях, духовных стихах, загадках представлена, в частности, в книге А. Н. Соболева «Загробный Мир по древнерусским представлениям» [Соболев 1913]; антропоморфные представ-

ления смерти исследованы на материале русских загадок З. М. Волоцкой [Волоцкая 1995], похоронно-поминальных причитаний — М. Д. Алексеевским [Алексеевский 2015]. Однако, как указывает ряд исследователей, «концепт “смерть” и стоящее за ним явление социокультурной реальности в настоящее время изучены ещё не в полной мере» [Степанов 2010: 18]. В настоящей статье рассматриваются

¹ Исследование проведено в рамках проекта РФФИ №18-412-590002 р_а «Похоронно-поминальная обрядность в русской традиции Северного и Южного Прикамья».

образные представления смерти, содержащиеся в зафиксированных в русских говорах Пермского края быличках, рассказах о видениях и приметах.

Обозначенная тема касается традиционного религиозно-мифологического понимания смерти, которое существенно отличается от современного атеистического, исходящего из идеи временности пребывания человека на земле. Отношение к смерти в традиционных культурах связано с идеей бессмертия человеческой души и отличается позитивностью; в обрядовой традиции оно оформляется как «управление» (прежде всего, психологическое) смертью. В народной среде, в отличие от цивилизованных сообществ, где разговоры о смерти табуированы, уход из жизни воспринимается более спокойно; о ней говорят много и оценивают не только как ужасное несчастье, но и как атрибут жизни: смерть считается «небытием, парадоксальным образом имеющим ценность для самого бытия» [Даренский 2016: 63], ожидаемым и закономерным событием. Современное общество отчуждено от смерти, «игнорирует», вытесняет её из коллективного сознания, что приводит к разрушению традиционно сложившихся психологических механизмов защиты от смерти. Смерть, как отмечал Л. С. Выготский, систематизирует и осмысляет, организует человеческую жизнь [Выготский 1982]: осознание человеком своей смертности считается стимулом для его жизни и духовного развития. Смерть, трансцендентная реальность, «квазиобъектный фантом, существенный в бытии, но бытийной сущностью не обладающий» [Исупов 1994: 106], в народной культуре представляется чаще всего в образной форме. Понятие, стоящее за пределами человеческого опыта и восприятия, получает наглядное условно-образное истолкование, что помогает адаптировать человека к трагическому осознанию конечности жизни. Образы смерти, ощущаемой обычно как некая таинственная сила, призваны сделать её более понятной. Они обеспечивают культурную табуизацию смерти, визуализируя обезличенное, абстрактное понятие смерти, в определённой степени снимают страх перед ним, поскольку «объективируют» субъективное переживание, переводя его на уровень коллективной традиции.

К «мортальным», часто закреплённым в языке образам относятся уподобления смерти пути, сну, падению, бракосочетанию, спасению (в старообрядческой традиции смерть оценивается как *спасеньё* — Кишертъ; под спасением понимается единение с Богом). Смерть представляется в знаках через изменение в природе (закат солнца, падение звезды, наступление зимы). Знаки смерти усматриваются в изменениях в поведении и внешнем облике человека (считается, что перед смертью «переворачивается человек в зрачке», человек начинает всё время «обираться», ощупывать себя, «неуёмно» много ест или спит, его «берёт скука»).

В многочисленных народных рассказах-видениях, быличках и приметах предстаёт многоликость смерти, связанная с интерпретацией смерти с позиций и дохристианского мифологического, и православно-христианского сознания. Многослойность народной картины смерти нередко проявляется в совмещении образов разной мотивированности в одном контексте: *«Кто каку заслужил смерть, така и придёт. Ангелы кажутся, цветы. Кто умирает не шибко грешный, дак ой каки цветы кажутся. А кто опять кричат: «Ангелы прилетели!»* (с. Калинино, Кунг.). Если связь приближающейся смерти с видением ангела прозрачна (посланец Бога призван забрать душу умирающего), то сближение смерти с цветами более затемнено. Скорее всего, в этом случае цветы — один из способов представления смерти как пребывания в раю («цветы — это райская парадигма, аллюзия образа Рая на земле. Ибо в природе каждый цветок — это цветосветовое совершенство» [Тульцева 2014: 27]).

Наиболее частотно в традиции уподобление смерти птицам, животным, человеку. Ключевым в традиции можно считать образ **смерти-птицы**, которая прилетает перед чьей-либо смертью, стучит в окно, залетает в дом: *«Когда соседка умерла, надо было обмывать, позвать старушку какую-то. Надя дочь пошла по старушку. Она стала из ворот выходить, и такая птица полетела, на соседский двор, на забор, села. Это, говорят, ангел. Птица караулит уже душу. На столб села, и не каркат, ничё»* (д. Морозково, Киш.); *«Я вот утром стала, открываю трубку, и из трубки птичка вылетела, вся в саже.*

Она везде садится, летат по избе. Чё делать? Я двери открыла, давай её выгонять, она вылетела. Это смерть-то залетела, мама моя скоро после того умерла» (д. Пож, Юрл.). Фактически здесь со смертью ассоциируется вестник смерти, воплощённая в птице душа ранее умершего. Смерть может быть соотнесена с сизым голубем (птицей, символизирующей святого Духа, т. е. вечную жизнь), с синицей, кукушкой, также представляющими душу умершего («Синички в окошко стучат — зовут меня на тот берег видно» — с. Калинино, Кунг.; «Если по деревне кукушка летает и кукует, жди, что кто-то умрёт» — д. Сергеева, Юрл.). Вестником смерти является воробей, который в народных легендах описывается как проклятая птица, помогавшая палачам распинать Иисуса Христа. Кроме того, как отмечают исследователи, воробей в славянских верованиях (ср. в оценке крайней старости *был воробей кому-л.* — д. Пож, Юрл.) тесно связан с аграрными культурами и с культом предков (см. [Тульцева 1982]). Перечисленные образы в основном не несут негативной оценки смерти. Ещё один лишённый отрицательных характеристик птичий образ смерти — рябая курочка: «Курочка ряба есть говорят, людям кажется, это уж к худому... Кому умирает, дак тому смерть приходит как курочка рябинькая, приходит и на руки просится» (с. Ленск, Кунг.). Здесь, как и во многих других случаях, реальный персонаж наделён мифическими признаками (рябой цвет в фольклорной символосфере указывает на признак потустороннего мира, является цветом первоначала жизни, свойством посредников между миром живых и миром мёртвых).

Смерть может выглядеть пугающе, когда она соотносится с хищными, «нечистыми» птицами: с ведущей ночной образ жизни, наделённой неприятным голосом совой, с чёрным вороном, демоничность которого задана его мрачным обликом, резким голосом и употреблением в пищу падали, с ястребом: «Вите помирать, ястреб под окошком как пал. Он вышел — ничего нету. Ни следа нету. А сын-от и умер» (с. В. Язтва, Краснов.).

Среди негативных **зооморфных образов** смерти отмечаются грызуны, связываемые народным сознанием с подземным, нижним миром: «Хомяки появились,

угол прогрызли, два хомяка. И вот осенью умер хозяин, не болел, ничё, и враз только» (с. Григорьевское, Нытв.). В примете «Как человеку умереть, мышшь вылезет ко столу» (с. Шерья, Нытв.) использован образ мыши как олицетворение смерти, известное во многих традициях. Лишены негативности как знак смерти образы насекомых (чаще всего появляющихся в большом количестве: «Как умереть, человек видит много-много мошки» — с. Шерья, Нытв.; «Перед войной беда, много летали бабочки белые» — с. Карагай). Фиксируется также представление смерти в виде пчелиного роя: «У меня золовка умерла после аборта, так она только то кричала — рой, рой летит, изжалит рой» (с. Калинино, Кунг.). Связываемые с верхним миром пчёлы как посредники между Богом и человеком, небесные и божественные создания, способные к воскресению из мёртвых, также используются как эмблема смерти и бессмертия в разных культурах (в данном случае также и как наказание для грешника: по примете, *пчёлы жалят прежде всего грешника*). Скорее негативно воспринимается соотнесение смерти с тараканами и клопами: «Вот тараканы с клопами... У нас много были тараканы с клопами, чем их только не морили! Мама моя шибко болела, парализовало, дак она умерла, смотрим через како-то время — клопов нет. С ней ушли...» (д. Грудная, Караг.). Насекомые, которых отличает способность переходить от полного замирания к возрождению, часто выступают в народных верованиях и как образы души.

Относительно немного зафиксировано собственно зооморфных образов смерти. Смерть может показаться в виде сивой лошади («Ей показалось — лошадь сивая в окошко залезла, ноги на подушку уже поставила. Только три дня прожила после этого. Говорят, сивая лошадь к смерти кажется» — д. Драчевка, Ос.). Именно сивый (тёмно-серый) мифический конь (напр., *Сивка-Бурка* в фольклоре) помогает герою попасть в иной мир. Также сблизены со смертью, являются её помощниками кошки, известные своей связью с демоническим миром: «Кошки в доме если начинают беспокоиться, это нехорошее. Как сыну умереть, было — такой хороший кот у нас, а как вечер, так гадит. Кошки что-то чувствуют» (д. Кузино, Кунг.).

Смерть часто предстает как **антропоморфный персонаж**. Она приходит к тому, кому скоро умереть, в облике хорошего знакомого, живого родственника или даже двойника того, кому умереть: «*Маленькой я была. Сидим в избе: братья, сёстры, мать с отцом. И послала меня мать на мост за маслом. Выхожу, смотрю — отец мой стоит, а знаю ведь, что он дома. Поблазило, значит. А на третий день отец-то и умер*» (д. Нечкино, Краснов.). «*Видела однажды на ферме — у окна стоит женщина. Я только погляжу на неё, она и спрячется. Дак это, наверное, смерть-то и была*» (с. Половодово, Солик.). По другим сведениям, умирающему мерещится много маленьких детей (из архаического представления о реинкарнации умершего в маленьком ребёнке), женщине перед смертью может присниться человек, который приезжал когда-то сватать её в жёны (примета строится на развёртывании известной аналогии смерти и брака). Смерть может явиться в образе седого старичка, поскольку старые воспринимаются как стоящие на границе между жизнью и смертью: «*В Пожу женщина одна переезжала из одного дома в другой свой дом. Она ей показала, смерть-та — старый старик. По избе-то кодит-кодит старый старик, чё-то пишет. И вот она это, тот день на тракторе поехала. Садиться стала в трактор, трактор пошёл, её под трактор, и задавило*» (д. Пож, Юрл.). Мотив пишущего старика (см. также ниже пишущий домовый), вероятно, связан с устойчивым представлением о том, что план жизни, судьба predetermined (предписана, «прописана») свыше, и «каждый знакомый и тем более незнакомый посетитель мог оказаться посланником Бога или самим Богом, принявшим человеческий облик» [Байбурин, Топорков 1990: 122].

Наконец, народную традицию отличает обилие сугубо **фантастических образов смерти**. Нередко смерть, как и в ряде европейских языков, предстает в мужском образе и получает соотнесение с духами природы: *Ванька Ёлкин, Иван Соснович* (обычное место для кладбища на Урале — лес; ср. пермское название одного из духов леса *Иван Кустов*). Духи смерти *Иван Гробович, Иван Могильников* представляют персонифицирование реалий похоронной обрядности. Сквозное для названий

имя *Иван* (реже отчество, как в жаргонном *Загиб Иванович* — о смерти) мотивировано обилием культурных коннотаций этого имени, в том числе демонических (ср. сибирское *за Ванечку пойти* о смерти женщины). Современное восприятие таких образов скорее юмористическое, нежели эвфемическое: высмеивание смерти помогает преодолеть страх (значимо, вероятно, и архаичное понимание смеха как очистительной силы). Знаком скорой смерти считается объявление домового, мокошки, суседки: «*Муж мне мой, покойничек, сказывал перед смертью, что приходит к нему по ночам суседко и пишет, и пишет, всё ему рецепты пишет. Болел он тогда. К несчастью это было, умер он потом*» (д. Ванькова, Краснов.). Фантастичен также нечистый со змеиной головой, вестник беды и смерти: «*Приходил нечистый одно время-то, залез вот отседа-то, из-под койки, и давит. Голова долгая — как ровно у змеи. Не человек...*» (д. Лидино, Окт.). Наиболее частый антропоморфный персонаж — вестник смерти, женщина в белом (*белая баба*): «*Брат, он цас уже покойный, один раз в углу видит — стоит женщина в белом. Меня, говорит, зовёт рукой: «Иди, говорит, сюда, иди!»*» (д. Пож, Юрл.). Определение *белая* здесь — показатель древности персонажа, т. к. белый цвет выступает как цвет божественности и бестелесности, смерти и потустороннего мира в архаичных культурах. Представление смерти в виде женщин в белых одеждах типично для славян, в связи с чем известны словенское *belá smert*, польское *Biała* [Толстой 1995: 153]. Бельями могут быть детали одежды явившегося вестника («*Болела я. Вот так вот лежу к стене, меня трясёт. «Вставай», — говорит. Я глаза открываю: в беленьком платочке женщина. «Пошли со мной». — «Куда? Никуда я с тобой не пойду». Исчезла. Во всёём беленьком: беленький платочек*» — д. Бурьлово, Киш.), сама смерть иногда представляется как некая белая тень («*просто облик белый, не мужчина и не женщина*» — с. Троицк, Кунг.). В литературе известно также воплощение смерти в образе белого столба, белого шара [Седакова 2004: 65].

С другой стороны, смерть может показаться одетой в чёрное стремительно исчезающей женщиной («*Вся в чёрном, лицо так кажет — подумаешь, соседка*

это. Поговорит, спросит чё-то, ты повернёшься, хочешь ей чё-то сказать, помотришь — а её где-то нету. То ли она во двор вышла, то ли чё. Выйдешь — нету нигде никого» (с. Андреевка, Ох.). Редко смерть характеризуется как красивая: «*Вижу во сне: пришла ко мне смерть: «Я по тебя пришла». Она такая бордоносая, с косой, чёрная в одеянии. Села на кровать. Она такая красивая, такая миловидная, глаза голубые и волосы светлорусые. Ой, какая красивая. Я руку взяла и сказала: «Ты подожди маленько, потому что мне ещё надо постираться». Я всегда думала, чтобы перед смертью Бог дал мне всё вымыть и постираться. И она ушла»* (п. Пожва, Юсьв.). Красота смерти фиксируется и в загадках («*Красная девица, и всяк её боится, и царь, и царица»*); оксюморонное представление о её красоте носит не только эвфемический и задабривающий смысл. Представление о том, что финал человеческой жизни в определённой ситуации может переживаться как явление красоты, отмечается в религиозных текстах (напр., в песне современного сказителя Александра Маточкина «*Приходила у раба смерть прекрасная»*; ср. также в причитании «*Смерть идёт... по крыльчику ли она да молодой женой, по новым ли сеням да красной девишкой»* [Соболев 1913: 36]). Образ «прекрасной смерти» романтизирует понятие, исходно же его можно связать с перенесением на смерть образа прекрасного загробного Рая, красоты и совершенства неба и Бога — как указание на то, что красота и смерть обуславливают друг друга.

Смерть (умерший родственник) показывается в красной рубашке, как женщина в долгом чёрном платье и платке (с. Калиновка, Черн.), как старуха в чёрной кофте (д. Ффонята, Киш.), мужчина в чёрном, женщина в зелёном: «*Вот бабуля у нас умирала, и ей показалось, что пришёл мужчина в чёрном одетый, бородатый»* (с. Щёкино, Ус.); «*Мне вот раз делали операцию. И тут после операции, днём, я видела, а другие не видели, приходит женщина в зелёном джемпере, старшие сорока лет. Говорит мне: «Хватит, я к тебе походила, там парня привезли, так я к парню пойду». А парень утром умер»* (с. Половодово, Солик.). В представлениях об умерших не своей смертью появляется персонаж, называемый *красная баба* («*ходящий»*

покойник). Редкий образ смерти — мужчина в синем («*Смотрю, идёт мужик, быстро шагает, в синем весь. Рожь была посеяная. И зашёл в рожь... Я после пошёл, рожь не измятая. Только видели так»* — д. Ракшина, Кудымк.). Если зелёный близок к смерти как цвет разложения, то красный воспринимается как цвет крови (красный цвет в погребальном обряде также трактуют как синоним золота и атрибут загробного мира [Успенский 1982: 60–61]). Синий цвет, скорее всего, появляется в характеристике смерти в связи с его близостью к чёрному; значимо и то, что это цвет неба — места, где обитают боги и души умерших (ср. также *синичка* как одно из воплощений смерти). О. В. Белова, описывая семантику синего, отмечает устойчивые его демонические характеристики [Белова 2009: 640–641].

Ещё один ряд образов смерти — воплощения её в образе жнеца, косца, старухи с косой (заступом, граблями, серпом, метлой). В пермских говорах отмечен образ мужчины с киркой (в выражении *ждать жениха Куштанника* — быть крайне старым), смерти как человека в одежде со многими карманами, в которых лежат пилочки и другие инструменты: «*Разные пилочки у её, жилочки подпиливать. Она мучить будет»* (с. Юговское, Кунг.). Пила — частый атрибут смерти: «*Муж умирал, говорил — смерть де пришла, пилит мне ноги пилкой»* (д. Ярино, Караг.). Рассказов, где пила выступает как орудие наказания грешника, достаточно много: «*Двое, говорит, мужчин с пилой-ножовкой. Смерть приходила с ножовкой. Она не одна приходит, есть с ней там ангел её или ещё там кто-то, не знаю. И вот придёт, спрашивает, грешный ты человек или не грешный. Сначала обрезают ноги под коленками, чтоб не вставал человек. Потом обрежут руки, чтоб руки не двигались. А потом, говорит, спрашивает грешный этот человек или не грешный. Если ангел скажет, что он не грешный, значит, отрезают голову, и всё. Если он грешный, значит, он лежит столько там дней, недель или годов там, вот так мается и умереть не может»* (д. Перино, Караг.). В фольклоре известен достаточно древний образ «пилы незримой» как атрибута смерти — в духовном стихе «*Аника Воин»* смерть вынимала «*пилы невидимы И подпилила у Аники в руках и в нозях становные жилы»*.

О. А. Седакова, опираясь на работы исследователей конца XIX — нач. XX в., приводит уточняющую характеристику «От косы — лёгкая смерть, от пилы — трудная» [Седакова 2004: 65]. Модификация этого образа — смерть с ножами и топорами: «Вдруг повстречалась с ним старуха, такая худая да страшная, несёт полную котомочку ножей, да пил, да разных топориков, а косою подпирается... Смерть (это была она) и говорит: «Я послана Господом взять у тебя душу!» (сказка «Солдат и Смерть» в публикации Е. В. Барсова). В Прикамье фиксируется смерть как мужчина в плотницком одеянии, с пилой, молотками и прочими плотницкими инструментами. Как кажется, в этом случае отражено распространённое в прошлом по всему Прикамью явление: по деревьям раньше ходили *гробовики*, плотники с рубанком, пилой, топором, которые и воспринимались как вестники смерти.

В пермской локальной традиции представлена достаточно обширная галерея образов смерти. Закреплённые в фольклорной символической сфере художественные (мифопоэтические по своей природе)

средства представления смерти отражают опыт народно-философского к ней отношения, выработанные в народной культуре механизмы психологической адаптации к проблеме конца жизни. Избыточный ряд образов смерти свидетельствует о сохранении в народной памяти своеобразного культа смерти. Эти образы отмечают неопределённость её внешнего облика (свидетельство того, что она остаётся тайной, основной загадкой бытия). Набор образных представлений смерти подчёркивает её естественность; миру смерти народное сознание часто придаёт реальные черты этого мира. В парадигме образов, отражающей многоликость смерти, отмечаются и негативные, и позитивные формы, при этом формы «нестрашной» смерти доминируют, приподнятое отношение к смерти выражается чаще, чем резко негативная её оценка, что создаёт возможность человеку психологически преодолеть ужас неизбежного. Смерть выступает как объект изображения и познания, а не как угроза; связанный с ней страх не является исключительно разрушительным, деструктивным.

Источники и материалы

Алексеевский 2015 — Алексеевский М. Д. Смерть как персонаж похоронных причитаний Русского Севера. — Сб. «Мортальность в литературе и культуре». М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 153-158.

Байбурин, Топорков 1990 — Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: этногр. очерки. Л., 1990. 165 с.

Белова 2009 — Белова О. В. Синий цвет. — Славянские древности. Т. IV. М.: Международные отношения, 2009. 648 с.

Волоцкая 1995 — Волоцкая З. М. Тема смерти и похорон в загадках (на славянском материале) // Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г. Л. Пермякова / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Восточная литература, 1995. С. 245-255.

Выготский 1982 — Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М., 1982. — http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39934_full.shtml (дата обращения: 5.05.2018).

Даренский 2016 — Даренский В. Ю. Смерть как ценность культуры. — Международный журнал исследований культуры. 2016, №2. С. 62-73.

Исупов 1994 — Исупов К. Г. Русская философская танатология. — Вопросы философии. 1994, №3: <http://tzone.kulichki.com/religion/tanatos/rusfil.html> (дата обращения: 3.05.2018).

Седакова 2004 — Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. — М.: Индрик, 2004. 320 с.

Соболев 2013 — Соболев А. Н. Загробный мир по древнерусским представлениям (Литературно-исторический опыт исследования древне-русского народного мирозерцания). Сергиев Посад: Издание книжного магазина М. С. Елова, 1913. 209 с.

Степанов 2010 — Степанов М. С. Семиотика смерти в дискурсе деятельности. — Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2010, №1. С. 18-23.

Толстой 1995 — Толстой Н. И. Белый цвет. — Славянские древности. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. 575 с.

Тульцева 2014 — Тульцева Л. А. Антропология сакральной флористики Троицына дня. — Вестник антропологии. Новая серия. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. С. 23-41.

Тульцева 1982 — Тульцева Л. А. Символика воробья в обрядах и обрядовом фольклоре (в связи с вопросом о культе птиц в аграрном календаре) // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. С. 163-179.

Успенский 1982 — Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 248 с.

Сокращения

Караг. — Карагайский район
Киш. — Кишертский район
Краснов. — Красновишерский район
Кудымк. — Кудымкарский район
Кунг. — Кунгурский район
Нытв. — Нытвенский район
Окт. — Октябрьский район

Ос. — Осинский район
Ох. — Оханский район
Солик. — Соликамский район
Ус. — Усольский район
Черн. — Чернушинский район
Юрл. — Юрлинский район
Юсьв. — Юсьвинский район

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Подюков И. А. orcid.org/0000-0002-1844-5038

доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета:
Российская Федерация, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, тел. +7 (342) 212-72-53;
Тел. +7 902 798-38-26; e-mail: podjukov@yandex.ru

IMAGES OF DEATH IN PRIKAMYE RUSSIAN FOLK CULTURAL TRADITION

IVAN A. PODYUKOV

(Perm State Humanitarian-Pedagogical University:
24, Sibirskaya street, Perm, 614045, Russian Federation)

Summary. *The paper deals with traditional figurative images of death that were found in folk tradition of Perm krai. Cultural motivation and metaphoric references (death as a bird, death as an insect, death as an animal, death as an anthropomorphic being) of these images are shown. The paper also shows archaic forms of images along with their modern transformations, and describes functions of figurative framing (from euphemistic to humorous) and the role of the figurative framing in cultural tabooing of death. Images of death that were fixed in bylichkas, speakings, omens and phraseological units are used to euphemize the death, and show a traditional culture ways to adapt to the problem of mortality. It is noted that 'unformidable' images of death prevail amongst all images that reflect diversity of death. As opposed to spiritual verses', death in the texts of folklore genres considered in this study appears as an object of cognition and depicting instead of representing a threat or visitation of God. The death of fear in folklore texts is neither destructive nor threatening. The folk image of death depicts it mostly in natural forms, demonstrating traditional philosophy of life.*

Keywords: *mythological view of the world, folk symbolic creation, figurative and symbolic means of folklore.*

Acknowledgements. *The study is prepared according to Russian Foundation for Basic Research, project No. №18-412-590002 p_a "Funeral and memorial rites in the Russian tradition of the Northern and Southern Prikamye".*

References

- Alekseevskiy M. D.** (2015) Smert' kak personazh pohoronnykh prichitaniiy Russkogo Severa [Death as a personage of the Russian North keen-ing]. Sb. "Mortal'nost' v literature i kul'ture" [Mortality in literature and culture]. Moscow: Novoye literaturnoye obozrenie [New literature review]. 2015. Pp. 153-158. In Russian.
- Bayburin A. K., Toporkov A. L.** (1990) U isto-kov etiketa: etnograficheskie ocherki [At the dawn of etiquette: ethnographic sketches]. L. 1990. 165 P. In Russian.
- Belova O. V.** (2009) Siniy tsvet. [The blue colour]. Slavyanskije drevnosti [Slavic Antiquities]. Vol. IV. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenia [Foreign Affairs]. 2009. 648 P. In Russian.
- Volotskaya Z. M.** (1995) Tema smerti i pohoron v zagadkah (na slavyanskom materiale) [Death and funeral theme in riddles (a Slavic case study)]. Malye formy fol'klora. Sbornik statey pamyati G.L. Permyakova [Small folklore forms. A collection of articles in memory of G.L. Permyakov]. Ed. by V.V. Ivanov. Moscow: Vostochnaya literatura [Oriental literature]. 1995. Pp. 245-255. In Russian.
- Vygotskiy L. S.** (1982) Istoricheskiy smysl psichologicheskogo krizisa [Historical essence of the psychological crisis] // Collected edition in 6 Vols. Vol. 1. Voprosy teorii i istorii psichologii [Questions of theory and history of psychology]. Moscow. 1982. http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39934_full.shtml (access date: 5.05.2018). In Russian.
- Darenskiy V. U.** (2016) Smert' kak tsennost' kul'tury [Death as a cultural value]. Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury [International Journal of cultural research]. 2016. №2. Pp. 62-73. In Russian.
- Isupov K. G.** (1994) Russkaya filosofskaya tanatologiya [Russian Philosophical thanatology]. Voprosy filosofii [Questions of philosophy]. 1994. №3. // <http://tzone.kulichki.com/religion/tanatos/rusfil.html> (access date: 3.05.2018). In Russian.
- Sedakova O. A.** (2004) Poetika obryada. Pogrebalnaya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan [Poetics of a rite. Obsequies of the East Slavs and the South Slavs]. Moscow: Indrik. 2004. 320 p. In Russian.
- Sobolev A. N.** (1913) Zagrobnyi mir po drevnerusskim predstavleniyam (Literaturno-istoricheskiy opyt issledovaniya drevne-russkogo narodnogo mirosozertsaniya. [The other world by the Old Russian beliefs. Literature-historical experience of Old Russian folk world view research]. Sergiev Posad: M.S. Elov's bookshop publishing. 1913. 207 p. In Russian.
- Stepanov M. S.** (2010) Semiotika smerti v diskurse deyatelnosti [Semiotics of Death the activity discourse]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo univesiteta [Bulletin of the South-Ural State University]. Linguistics. 2010. №1. Pp. 18-23. In Russian.

Tolstoy N. I. (1995) Belyi tsvet [The white colour]. Slavyanskije drevnosti [Slavic Antiquities]. Vol. 1. 1995. 575 p. In Russian.

Tul'tseva L. A. (2014) — Antropologiya sakral'noy floristiki Troitsyna dnya [Anthropology of sacral floristics of the Trinity day]. Vestnik antropologii. Novaya seriya [Bulletin of Anthropology. New series]. Moscow: The Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS. 2014. Pp. 23–41. In Russian.

Tul'tseva L. A. (1982) Simvolika vorob'ya v obryadah i obryadovom fol'klоре (v svyazi s vo-

prosom o kul'te ptits v agrarnom kalendare) [The symbol of a sparrow in the rituals and ritual folklore (in connection with the question about the birds' cult in the agricultural calendar)] // Obryady i obryadovyi fol'klор [Rituals and ritual folklore]. Moscow. 1982. Pp. 163-179. In Russian.

Uspensky B. A. (1982) Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey [Philological Research in the field of Slavic Antiquities]. Moscow. 1982. 248 p.

ABOUT THE AUTHOR

Podyukov I. A. orcid.org/0000-0002-1844-5038

E-mail: podjukov@yandex.ru

Tel. +7 902 798-38-26

Doctor of Philological Sciences

Professor in the Department of General Linguistics

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

Tel. +7 (342) 212-72-53

24, Sibirskaya street, Perm, 614045, Russian Federation
